

БОЛЬШОЙ
РОМАН

Книги Сэмюэла Дилэни,
опубликованные
Издательской Группой
«Азбука-Аттикус»

БАВИЛОН-17.
ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ЭЙНШТЕЙНА
ДАЛЬГРЕН

СЭМЮЕЛ
ДИЛЭНИ

ДАЛЬГРЕН

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д 46

Samuel R. Delany
DHALGREN
Copyright © 1974 by Samuel R. Delany
All rights reserved

Перевод с английского Анастасии Грызуновой

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-14010-3

© А. Б. Грызунова, перевод, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2020
Издательство ИНОСТРАНКА®

Этой книге о многом пристало быть для многих.

Среди них —

*Джозеф Кокс, Билл Бродеки, Дэвид Хартуэлл, Лиз Лэндри,
Джозеф Манфредини, Патрик Мьюр, Джон Херберт Макдауэлл,
Джин Салливан, Дженис Шмидт, Чарльз Нейлор, Энн О'Нилл,
Бэрд Сёрлз, Мартин Ласт, Боб & Джоан Тёрстон,
Ричард Вриали & Сьюзен Швирс*

и

Джуди Ратнер & Оливер Шенк,

а также

*Томас М. Диш, Джудит Меррил, Майкл Перкинс,
Джоанна Расс, Джудит Джонсон & Мэрилин Хэкер*

Ты перепутал истинное и настоящее.

Джордж Стэнли / В разговоре

СОДЕРЖАНИЕ

Уильям Гибсон	
РЕКОМБИНАНТНЫЙ ГОРОД. Предисловие	9
I. ПРИЗМА, ЗЕРКАЛО, ЛИНЗА	13
II. РУИНЫ УТРА	73
III. ДОМ ТОПОРА	131
IV. ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ	324
V. ПОРОЖДЕНИЯ СВЕТА И ТЬМЫ	439
VI. ПАЛИМПСЕСТ	572
VII. АНАФЕМАТА: ЧУМНОЙ ДНЕВНИК	732

I

ПРИЗМА, ЗЕРКАЛО, ЛИНЗА

1

собой ранить осенний город.

И взвыл, дабы мир дал ему имя.

Изпотьма ответило ветром.

Что знаешь ты, знаю я: астронавты пролетны, и банковские клерки перед обедом поглядывают на стенные часы; капюшонны актрисы в сияющих рамах зеркал, и грузовые лифтеры пальцем втирают жир в стальной рычаг; студенческие волнения; знаю, что на той неделе смуглые женщины в продуктовых трясли головами, потому что за полгода все подорожало возмутительно; каков на вкус кофе, если подержать его холодным во рту целую минуту.

Целую минуту он сидел на корточках, левой ступней (босой) сжимая камешки, слушая, как шум дыхания кувырывается вниз по уступам.

За лиственной шпалерой порхал отраженный лунный свет.

Он вытер ладони о джинсы. Где был, там и есть. А где-то за-скулил ветер.

Подмигнула листва.

Ветер — не ветер, а движенье внизу среди кустов. Его рука нащупала скалу за спиной.

В двадцати футах внизу, в стороне, она встала, облаченная лишь в тени, что луна уронила с кудрявого клена; шевельнулась, и тени на ней шевельнулись.

Страх кольнул в бок, туда, где рубашка (двух средних пуговиц нет) раздулась на ветру. Мускул резиново окаймил челюсть. Когти черных волос поскребли то, что страх начертал на лбу.

Она что-то шепнула — сплошное дыхание, а ветер подхватил слова, увел значение:

— Аххххх, — от нее.

Он вытолкнул воздух из легких; почти закашлялся.

— ...Хххххх... — снова она. И смех — многогранный веселый рык под луною. — хххХХхххх, — и звука больше; может, даже его имя. Но ветер, ветер...

Она сделала шаг.

Движение перекроило тени, обнажило одну грудь. Над глазом — ромбик света. Икра и лодыжка засияли против листвы.

Вдоль ее голени тянулась царапина.

Его волосы оттянуло назад со лба. Ее волосы плеснули вперед. Она шагнула следом за ними, по листве, растопырив пальцы на камне, замерла на цыпочках и выступила из темноты теней.

Скрючившись на скале, он провез ладонями вверх по ляжкам.

Руки у него были отвратительные.

Она миновала еще одно дерево, ближе. Луна швырнула ей в грудь золотыми монетами. Крупные бурые ареолы, маленькие соски.

— Ты?..

Она сказала это тихо, в трех футах от него, глядя сверху вниз; и *все равно* в лиственной пестроте никак не разглядеть ее лица; но скулы высоки по-азиатски. Она и есть азиатка, сообразил он и подождал следующего слова, настроился на акцент. (Он умел отличать китайский от японского.)

— Ты пришел! — Мелодичный Средний Запад. — Я не знала, придешь ли! — Голос ее (чистое, шепотное сопрано...) подсказал: то, что он принял за рябь теней, отчасти было, пожалуй, страхом. — Ты здесь! — Она упала на колени в хохоте листвы. Бедра ее — спереди твердые, мягче (видно же) по бокам, и столб темноты между ними — против его обтрепанных коленей.

Она протянула руку, двумя пальцами раздвинула клетчатую ткань и коснулась его груди; пальцы проелозили вниз. Он слышал шероховатость своей шерсти.

Смех запрокинул ее лицо к луне. Он подался вперед; безветренную брешь заполнил аромат лимона. Ее круглое лицо пленительно, брови — не по-восточному густы. Ей, наверно, за тридцать, но морщинки всего две — маленькие, возле рта.

Он потянулся к ее губам раскрытыми губами, руками — к ее вискам, и руки ему покрыли ее волосы. Хрящи ее ушей горячими извивами легли ему в ладони. Она поскользнулась коленями

в листве, и сморгнула, и снова рассмеялась. Дыхание ее было точно полдень и пахло лимоном...

Он ее поцеловал; она сжала его запястья. Ожила слившаяся плоть их ртов. Силуэт ее груди, ее рука — и на груди у него, и на шерстяной рубашке — потерялась под тяжестью ее тела.

Их пальцы повстречались и перепутались на его ремне; ах, взбурливший в их поцелуе (сердце у него громко спотыкалось), сдуло прочь; затем на бедро ему дохнуло воздухом.

Они легли.

Кончиками пальцев она жестко сунула головку его хуя в жесткие волосы, и под его ногой задрожал мускул ее ноги. Он ухнул в ее жар. Когда она двигалась яростно, он крепко обнимал ее за плечи. Ее кулак камешком лежал у нее на груди. И не стихал рев, и все ревел: когда он кончал, долго и внезапно, бок ему заплескала листва.

Позже, лежа на боку, они перемешанным дыханием нагрели между собой просвет. Она шепнула:

— Ты, я думаю, прекрасен.

Он засмеялся, не разжав губ. Она изблизи посмотрела ему в глаз, в другой (он моргнул), на подбородок (за сомкнутыми губами он сжал зубы, и челюсть шевельнулась), потом на лоб. (Ему нравился ее лимонный запах.)

— ...прекрасен! — повторила она.

Он улыбнулся, гадая, правда ли.

Она спрятала в тепло руку с белыми ноготками, пальцем провела вдоль его носа, заворчала ему в щеку.

Он потянулся к ее запястью.

Она спросила:

— Твоя рука?..

И он убрал руку ей за плечо, хотел обнять.

Она вывернулась:

— У тебя что-то с?..

Он потряс головой, прижимаясь к ее волосам, влажным, прохладным, лизнул их.

За его спиной ветер тоже был прохладен. Кожа у нее под волосами горячее его языка. Он уместил руки в натопленную пещеру между их телами.

Она отодвинулась:

— Твои *руки!*..

Вены змеились в волосах дождевыми червями. Кожа цементно суха; костяшки раздуты мозольной коростой. Тупые большие пальцы жабами легли ей между грудей.

Она насупилась, придвинула кулачок к его костяшкам, замерла.

Она была морем подлунным; пальцы его — шишковатыми полуостровами. На оконечности каждого — ободранная, изгрызенная хитиновая развалина.

— Ты?.. — начал он.

Нет, они не искалечены. Но они... *уродливы!* Она подняла глаза. Заморгала, и они заблестели.

— ...ты знаешь, как меня?.. — Он вдруг осип. — Кто... я?

В лице ее не было тонкости, но в улыбке, покаянной и уместившейся в основном между лбом и эпикантусом, — растерянность.

— У тебя, — сказала она, полногласно и церемонно (но кое-какие обертоны ветер все же стер), — есть отец. — Она тепло прижималась бедром к его животу. Воздух, до сей поры вроде мягкий, ножом разжимал ему ляжки. — У тебя есть *мам!*.. — Это он щекой прижался к ее губам. Но она отвернула лицо. — Ты... — она бледной рукой накрыла его ручищу (такая маленькая обезьянка — а такие *громадные* руки, ласково сказал кто-то. Он запомнил) у себя на ребрах, — прекрасен. Откуда-то пришел. Куда-то идешь. — И вздохнула.

— Но... — Он сглотнул все, что застряло в горле (он был не *настолько* мал). — Я потерял... не знаю что.

— Ты стал нынешним из-за того, что было, — продекламировала она. — Ты станешь будущим из-за того, что есть.

— Я хочу что-то вернуть!

Она завела руку назад, прижала его к себе теснее. Холодный колодец между его животом и ее поясницей схлопнулся.

— А чего у тебя нет? — Она оглянулась через плечо. — Тебе лет-то сколько?

— Двадцать семь.

— А по лицу гораздо моложе. — Она хихикнула. — Я думала, тебе... шестнадцать! А по рукам гораздо старше...

— И мерзее?

— ...бессердечнее, чем, пожалуй, на самом деле. Ты где родился?

— Нью-Йорк, север штата. Города ты не знаешь. Я там пробыл недолго.

— Скорее всего, не знаю. Далеко ты забрался.

— Был в Японии. И Австралии.

— Образованный?

Он засмеялся. Его грудь сотрясла ей плечо.

— Год в Колумбии. Еще почти год в двухгодичном колледже в Делавэре. Диплома нет.

— Ты в каком году родился?

— В тысяча девятьсот сорок восьмом. В Центральной Америке тоже был. В Мексике. Только что из Мексики и...

— Что ты хочешь изменить в этом мире? — продолжила декламацию она, отведя взгляд. — Что сохранить? Чего ищешь? Чего бежишь?

— Ничего, — ответил он. — И ничего. И ничего. И... ничего — по крайней мере, я не в курсе.

— У тебя нет цели?

— Хочу добраться до Беллоны и... — Он усмехнулся. — Цель — как у всех... ну, во взаправдашнем мире: пережить еще секунду, не лишившись разума.

Еще секунда миновала.

— Правда? — по правде переспросила она, отчего правдиво было бы признать, что слова его были искусственны (а в мыслях: разум ежесекундно под угрозой). — Тогда радуйся, что ты не просто персонаж, начирканный на полях чьей-то потерянной тетради: ты был бы скучен смертельно. Тебе что, *вообще* незачем туда идти?

— Добраться до Беллоны и...

На этом он умолк, и она сказала:

— Можешь не говорить. То есть ты не знаешь, кто ты? Выяснить *это* — слишком просто, необязательно переться сюда аж с севера штата Нью-Йорк через Японию. Аххх. — И она осеклась.

— Что?

— Ничего.

— Что?

— Ну, если ты родился в сорок восьмом, ты старше двадцати семи.

— То есть?

— Да блин, — сказала она. — Не важно.

Он медленно поколыхал ее локоть.

Она сказала:

— Я родилась в тысяча девятьсот сорок седьмом. И я *гораздо* старше двадцати восьми. — Она снова ему поморгала. — Но правда, это не важ...

Он откатился прочь по шумной листве.

— Ты знаешь, кто я? — (Ночь была эдакого цвета — облако пополам с ясным светом.) — Ты пришла сюда меня искать. Можешь сказать, как меня зовут?

Холод маслом растекся по его боку, где прежде была она.

Он повернул голову.

— Пошли! — Она села, и волосы ее зазмеились к нему. В лицо ему бросилась горсть листьев.

Он тоже сел.

Но она уже бежала — ноги мелькали в лунной пестроте.

Интересно, откуда у нее эта царапина.

Цапнув штаны, он сунул в них ногу и ногу, цапнув рубашку и одинокую сандалию, перекатился и встал...

Она сворачивала за скалу.

Он задержался — застегнуть ширинку и двойной шпенек на ремне. Ноги ему жевали прутики и гравий. Во она носится!

Он подбежал, а она обернулась; он положил ладонь на камень и вздрогнул: скала была влажна. Поглядел — на основании ладони и большого пальца земляное крошево.

— Вон там... — Она указала в пещеру. — Видишь?

Он потянулся было к ее плечу — но нет.

Она сказала:

— Иди. Заходи внутрь.

Он уронил сандалию — зашелестели кусты. Он уронил рубашку, придушив шелест.

Она посмотрела на него выжидательно, посторонилась.

Он шагнул внутрь: мох под пяткой, под подушечкой стопы мокрый камень. Шаг другой стопой — мокрый камень.

Вокруг трепетало дыхание. В железной темноте щеку погладило что-то сухое. Он пощупал: мертвая лоза с запекшейся листвой. Лоза качнулась — что-то затрещало ужасно высоко над головой. Пред внутренним взором замаячил гибельный обрыв; он скользом двинул ногу вперед. Пальцы нащупали: прутик с отошедшей корой... ком влажных листьев... водяную дрожь... Еще шаг — вода лизнула ногу. Он снова шагнул.

Только камень.

Слева вспышка.

Шагнул снова, и вспышка стала оранжева, чем-то заслонена — стенкой скальной ниши, тень вместо свода, — и еще шаг.

Сухая ветка, а за ней медное блюдо — широченное, с автомобильную покрывку: догорело чуть ли не до углей. В остатках огня что-то хрустнуло, брызнув искрами на влажный камень.

Впереди, где вспышка просочилась высоко в сужающийся пролом, что-то отразило и отшвырнуло назад высветы.

Он вскарабкался, обогнув один валун, подождал; эхо дыхания и горения размечало размеры пещеры. Он примерился к расщелине, прыгнул согласно подсчетам и полез по дальнему склону. Из-под ног что-то сыпалось. Камешки в провале жалобно простучали по скалам, запнулись, зашептались — и тишина.

И всплеск!

Он свел плечи; а он-то думал, глубины всего ярд, не больше.

Лезть пришлось долго. На некоторое время его притормозила пятнадцатифутовая стена. Обошел ее сбоку, вскарабкался там, где порода выходила не так гладко. Нашел толстый гребень, подтянулся, всполз — оказалось, что это корень. Интересно чей, подумал он и выбрался на карниз.

В шести дюймах от его носа что-то тихонько взвизгнуло: «И-и-ик!» — и улепетнуло в лежалую листву.

Он сглотнул, и прилив колючих мурашек по плечам схлынул. Он в последний раз подтянулся и встал.

Они лежали в расщелине, косо уходившей в открытую небу тень.

Одним концом окаймив хохол папоротника.

Он протянул руку, заслонив свет жаровни, мерцавшей внизу; мерцание погасло.

Снова накатил страх — и не страх прежде виданного и неожиданного или внезапно возникшего позади. Он пошарил в себе, поискал физических признаков, что придадут страху реальности: заторопившегося дыхания, замедлившегося пульса. Но страшное было неуловимо, как отъединение души. Он подобрал цепочку; один конец ее хихикнул и замигал, скользнув с камня. С цепочкой в руках он развернулся к оранжевому мерцанию.

Призмы.

Ну, местами.

А другие круглые.

Он пропустил цепочку сквозь пальцы. Некоторые кругляши прозрачны. Проползая через пустоты между пальцами, они преломляли свет. Он поднес цепочку к глазам и посмотрел сквозь линзу. Но линза была матовая. Наклонив ее, он различил тоннель, мутный и уходящий в глубину кругляша на несколько дюймов, и в трепещущем стекле затрепетал его собственный глаз.

Стояла тишина.

Он снова протаскивал цепочку по ладони. Случайный набор бусин, почти девять футов длиной. И у цепочки три хвоста. Все три конца закольцованы. На самой большой петле — маленькая металлическая бирка.

Он нагнулся к свету.

Сантиметр меди (звенья, вделанные в оптические детали, были медные) гласил: «producto do Brazil»¹.

Это что вообще за португальский такой? — подумал он.

Еще посидел, взглядом скользя по блестящим хвостам.

Хотел было сгрести их, засунуть в карман джинсов, но три перепутанных ярда вытекли из ладоней. Он поднялся, отыскивал самую крупную петлю, пригнул голову. Вершины и ребра куснули шею. Он собрал колечки под подбородком и ощупью (а в мыслях: руки-крюки, бля) замкнул застежку.

Посмотрел на цепочку, что петлями света свернулась под ногами. С ляжки снял самый короткий конец. Там петля поменьше.

Он подождал, даже затаил дыхание — а потом дважды обернул хвостом плечо, дважды предплечье и застегнул на запястье. Ладонью придавил звенья и бусины — твердые, пластмасса или металл. Волосы на груди пощекотали складку между фалангами.

Самый длинный хвост он пропустил через спину: цепочка покрыла лопатки холодными поцелуями бусин. Потом через грудь; опять через спину; по животу. Одной рукой придерживая хвост (тот все еще свешивался на камни), другой расстегнул ремень.

Спустив штаны до лодыжек, последним хвостом обмотал бока; затем правое бедро; и еще один круг; и еще. Последнюю застежку замкнул на лодыжке. Натянув брюки, подошел к краю, застегнул ремень и развернулся задом, готовясь спускаться.

Оковы чувствовались. Но когда он грудью прильнул к скале, они лишь расчертили его, но не порезали.

¹ *Зд.: «Продукт из Бразилии» (искаж. португ.).*

На сей раз он пошел туда, где расщелина была всего в фут шириной, и ступил далеко от края. Зев пещеры — лямбда лунного марева, обшитая лиственным кружевом.

Камни лизали ему подошвы. Один раз внимание рассеялось, но его вновь сосредоточила холодная вода вокруг ступни; звенья цепочки согрелись на коже. Он остановился, подождал, не станет ли теплее; но цепочка была нейтральным грузом.

Он шагнул в мох.

Его рубашка валялась на кусте; под ней кверху подошвой — сандалия.

Он сунул руки в шерстяные рукава; из манжеты мигнуло правое запястье. Он застегнул сандалию; земля увлажнила колено.

Он поднялся, повертел головой и сощурился, вглядываясь в сумрак:

— Эй?..

Обернулся влево, обернулся вправо, широким большим пальцем почесал ключицу:

— Эй, а куда?..

Вправо, влево; жаль, что он не умеет читать следы и сломанные веточки. Она бы не возвращалась той дорогой, которой они пришли...

Он выступил из пещеры в слоистую черноту. Она здесь пройти-то могла? — подумал он, сделав три шага. Но двинулся дальше.

Он принял дорогу за лунный свет в тот миг, когда нога в сандалиии вонзилась в грязь. Босую он забросил на каменистую обочину. Выкарабкался на асфальт, одной ступней скользя по мокрой кожаной подошве, с шипением перевел дух и огляделся.

Слева дорога шла в горку меж деревьев. Он повернул вправо. Дорога вниз приведет его в город.

По одну руку лес. По другую, сообразил он, скользко прорысив шагов десять, — только древесная изгородь. Еще шагов десять — и деревья отступили. За ними ему шелестела трава — велела потише.

Она стояла в самом центре луга.

Он сдвинул ноги — одна в сбруе и грязи, другая боса и в пыли; внезапно загрохотало сердце; он услышал, как удивленным вздохом огрызнулся на траву — сама, дескать, потише. Перешагнув канаву, ступил на плохо стриженную травяную щетину.

Она слишком высокая, подумал он, приближаясь.

Волосы вздыбились у нее над плечами; вновь зашелестела трава.

Ну *да*, она выше его, но все-таки не...

— Эй, я нашел!..

Она задрала руки над головой. На пенек, что ли, взобралась? На пьедестал?

— Эй?..

Она развернулась всем корпусом:

— А *ты* что тут делаешь?

Сначала ему почудилось, что она до бедер в грязи.

— Я думал, ты...

Но грязь бурая, как запекшаяся кровь.

Она взирала на него сверху вниз, хлопая ресницами.

Грязь? Кровь? Цветом ни то и ни это.

— Уходи!

Он гипнотически шагнул снова.

— Ты что тут *делаешь*? Уходи!

Пятна у нее под грудью — это что, стружья?

— Смотри, я нашел! А теперь ты скажешь, как меня?..

В пальцах она сжимала листья. И так высоко задрала руки! Листья посыпались ей на плечи. Длинные-длинные пальцы задрожали, и хрупкая тьма покрыла бок. Бледный живот вздрагивал вздохами.

— Нет!

Она отшатнулась, когда он потянулся к ней, — и застыла кособоко. Рука ее, ветвистая и ветвившаяся в десяти футах над ним, заволокла траву паутиной тени.

— Ты!.. — Вот что он попытался произнести; но изо рта вырвалось лишь дыхание.

Он посмотрел вверх, меж веточек ее ушей. С ее бровей посыпалась листва. Губы ее — толстая корявая кульга, точно сук в фут толщиной отсекло молнией. Глаза ее — он раскрыл рот, запрокидывая голову, вглядываясь, — исчезли в вышине, сначала один, высоко-высоко, потом другой; короста век плотно сомкнулась.

Он попятился по жесткой траве.

Листик обгорелым мотыльком врезался ему в висок.

Шершавыми пальцами колотя себя по губам, он споткнулся, развернулся, выскочил на дорогу, снова глянул туда, где корявый

ствол тянул к луне пятипалые ветвистые грабли, и бежал вприпрыжку, пока не перешел поневоле на шаг, и шагал — задыхаясь, — пока не восстановилась способность думать. А потом еще немного пробежал.

2

Не сказать, что у меня нет прошлого. Просто оно бесконечно дробится об ужасную и отчетливую эфемерность настоящего. В долгой стране, иссеченной дождем, как-то не с чего и начать. На бегу и на ходу по выбитым колеям проще не думать о том, что она сделала (что сделано с ней, сделано с ней, сделано), лучше уразуметь издали. И не столь было бы ужасно, если б на икре не осталось (приглядишься я, увидел бы цепочку крошечных ранок, а между ними мгновения плоти; так я делал и сам, задев розу в саду) этой царапины.

Асфальт выплеснул его на обочину шоссе. Ломаные асфальтовые кромки стесывали картинки с глаз. Рев, что мчался к нему, донесся, лишь когда миновал. Он глянул через плечо; красные задние глаза грузовика ввалились и слились. Он шагал еще час и больше машин не видел.

«Мэк» с двойным прицепом рыгнул в двадцати футах позади, обмяк до полной остановки в двадцати футах впереди. А он даже не стопил. Кинулся к открытой кабине, втащил себя наверх, хлопнул дверцей. Шофер, высокий, блондинистый и прыщавый, посмотрел без тени мысли, отпустил сцепление.

Он хотел поблагодарить, но закашлялся. Может, шоферу охота с кем-нибудь потрепаться? Зачем еще подбирать человека, просто идущего по дороге?

Трепаться неохота. Но что-то сказать надо.

— Что везете?

— Артишоки.

Приближающиеся огни высветили шоферу лицо, оспину за оспиной.

Они дальше заколтыхались по шоссе.

Больше в голову ничего не приходило, вот разве что: я, понимаете, только что любил одну женщину, и вы ни за что не угадаете... Нет, история про Дафну не прокатит...

Поговорить хотелось ему! Шофера вполне устраивали фатические благодарности и болтовня. Западная независимость? Он немало помотался стопом по этим краям и считал, что тут сплошь маниакальный ужас.

Он запрокинул голову. Поговорить охота, а сказать нечего.

Страх унялся, и лукавство страха лепило архитектуру улыбки, с которой боролись губы.

Спустя двадцать минут он увидел вереницу шоссежных огней и подался вперед — посмотреть на съезд. Глянул на шофера — тот как раз отводил взгляд. Захрипели тормоза, и кабина рывками замедлилась.

Машина остановилась. Шофер пососал рябые щеки, повернулся — во взгляде по-прежнему ничего.

Он кивнул, как бы улыбнулся, нащупал ручку, спрыгнул на дорогу; дверца стукнула, и грузовик тронулся, пока он еще готовил благодарность; пришлось уворачиваться от угла прицепа.

Грузовик с грохотом свернул с шоссе.

Мы произнесли всего по одной реплике.

Как странно, что этот ритуальный диалог исчерпал общение. (И это — ужас?) Что за удивительные и увлекательные ритуалы мы нынче практикуем? (Он стоял на обочине и смеялся.) Что за вращение и натяжение во рту побуждает смеяться в этой ветреной, ветреной, ветреной...

Здесь сплелись узлом эстакада и тоннель. Он шагал... гордо? Да, гордо, вдоль низкого парапета.

За водой замигал город.

Полумилей ниже огонь с набережной швырялся дымом в небеса и отражениями в реку. А здесь ни одна машина не съехала с моста. Ни одна не заехала на мост.

Вот будка контролера — как и вся шеренга будок, она темна. Он зашел: фасадное стекло разбито, табурет перевернут, в касе нет ящика — треть клавиш заклинило, кое-какие погнуты. У некоторых не доставало головок. Разбиты булавою, молотком, кулаком? Он провел по клавишам пальцами, послушал щелчки, затем шагнул со сбрызнутого стеклом резинового коврика через порог и на мостовую.

На пешеходные мостки вела железная лесенка. Но машин не было, так что он пересек две пустые полосы — там, где черный асфальт отполировали покрывки, блестела армирующая сетка, —

и захромал по прерывистой разделительной, нога в сандалиии по одну сторону, босая — по другую. Мимо проплывали балки, слева и справа. Впереди над бледным перевернутым отражением своих пожаров скорчился горящий город.

Он глядел на взъерошенную ветром рубчатую ночную воду и принюхивался — пахнет ли гарью. Ветер раздвинул волосы на загривке; дым уползал с реки.

— Эй, ты!

Он поднял глаза на неожиданный фонарик:

— Чего?..

С мостков темноту пронзил еще фонарик и еще.

— В Беллону идешь?

— Ну да.

Щурясь, он выдавил улыбку. Один, потом другой огонек сдвинулись на несколько шагов, остановились. Он сказал:

— А вы... уходите?

— Ага. Там, знаешь ли, закрыто.

Он кивнул:

— Но я не видел ни солдат, ни полиции, ничего такого. Доехал стопом.

— И как улов?

— На последних двадцати милях попало только два грузовика. Второй подвез.

— А отсюда?

Он пожал плечами:

— Я думаю, девчонкам-то несложно будет. Если кто проедет, наверняка вас подберет. Куда направляетесь?

— Мы вдвоем хотим в Нью-Йорк. Джуди хочет в Сан-Франциско.

— Мне бы *хоть куда-нибудь*, — слетело вниз нытье. — У меня температура! Мне в постели надо лежать. Я три дня и *лежала*.

— Путь неблизкий, — сказал он. — В оба конца.

— А Сан-Франциско цел?..

— ...А Нью-Йорк?

— Да. — Он взгляделся во тьму позади фонариков. — О том, что тут творится, даже в газетах уже не пишут.

— Но как же! А телевизор? А радио?..

— Дура, это все тут не работает. Откуда им узнать?

— Но... ой, ну ни фиги себе!..

— Чем ближе сюда, тем меньше народу, — сказал он. — И те, что попадают... чуднее. А в городе как?

Одна рассмеялась.

Другая сказала:

— Довольно сурово.

Та, что заговорила первой, прибавила:

— Но ты прав, девчонкам полегче.

Рассмеялись все три.

И он тоже.

— Расскажите что-нибудь? В смысле — что-нибудь полезное? Раз уж я туда иду?

— Ага. Пришли какие-то мужики, расстреляли дом, где мы жили, разнесли все в щепу, выкурили нас.

— Она скульптуру варила, — пояснило нытье. — Большую такую. Льва. Из металлолома. Очень красивая! Но пришлось ее бросить.

— Ты подумай, — сказал он. — Вот так, значит, дела обстоят?

Одинокий, краткий, резкий смешок.

— Да уж. Нам очень легко.

— Расскажешь ему про Калкинза? И про скорпионов?

— Сам узнает. — Опять смешок. — Да и что тут скажешь?

— Оружие с собой хочешь?

Тут он опять испугался:

— А надо?

Но они говорили между собой:

— Ты ему отдашь?

— А чего нет? Я ее больше не хочу.

— Ну как угодно. Она ж твоя.

Проскрежетал металл по цепи, а одна между тем спросила:

— Ты откуда?

Фонарики отвернулись, переодев всех в призраков. На краткий миг одну, у перил, осветило, и стало видно, что она очень юна, очень черна и очень беременна.

— С юга.

— А говоришь не как на юге, — сказала та, что говорила ровно так.

— Сам-то не с юга. Но только что из Мексики.

— Ой, правда? — Это беременная. — А где был? Я знаю Мексику.

Обмен названиями полдюжины городов завершился разочарованным молчанием.

— Держи оружие.

Фонарики проследили за проблеском в воздухе, за лязгом на армированном асфальте.

Лучи тыкались в землю (а не ему в глаза), и теперь он разглядел на мостках полдюжины женщин.

— А это... — В устье моста загудел двигатель; но он посмотрел и не увидел фар. На каком-то съезде гул смолк. — Что?

— Как это называют?

— Орхидея.

— Да, точно. Вот это что.

Он подошел, в перекрестье трех лучей присел на корточки.

— Ее носят на запястье. Лезвиями вперед. Как браслет.

На регулируемом металлическом браслете резкими дугами изгибались семь ножей, от восьми до двенадцати дюймов. Все заточены. Внутри сбруя, цепочки и кожа, чтоб ножи прочно держались на пальцах.

Он все это подобрал.

— Надевай.

— Ты правша или левша?

— Амбидекстр... — Что в его случае означало «безрукий». Он повертел «цветок» в руках. — Но пишу левой. Обычно.

— А.

Он приладил браслет на запястье, защелкнул.

— А если такое в набитом автобусе надеть? Поранишь ведь кого-нибудь. — И уловил, что остробту не оценили. Сжал кулак в лепестках ножей, медленно разжал и в обрамлении гнутой стали ороговелыми кончиками двух пальцев потер подушечку большого.

— В Беллоне с автобусами не очень.

А в мыслях: грозные блестящие лепестки изогнулись вкрут узловатого полусгнившего корня.

— Уродина, — сказал он не этим на мостках, а прибамбу. — Надеюсь, ты мне не понадобишься.

— Я тоже надеюсь, — сказала одна сверху. — Отдашь кому-нибудь, когда уйдешь.

— Ну да. — Он поднялся. — Так и сделаю.

- *Если* он уйдет, — сказала другая, вновь испустив смешок.
- Ну что, нам бы двинуть отсюда уже.
- Я слышала машину. И так ждать придется сто лет. Можно

и двинуть.

Южная:

- Он же сказал, что вряд ли кто подвезет.
- Да ладно, пошли. Эй, пока!
- Пока. — Их лучи метнулись прочь. — И спасибо.

Артишоки? Но он не вспомнил, откуда взялось это слово — почему так ясно звенит.

На прощание он помахал им орхидеей.

Речное мерцание меж подкосов моста обрисовало силуэт когрявой руки в клетке ножей. Глядя, как девушки уходят, он пережил смутнейший трепет желания. У них горел всего один фонарик. Потом кто-то его заслонил. Они остались шагами по металлическим плитам; донесшимися обрывками смеха; шорохами...

Он пошел дальше, держа руку на отлете.

Этот иссушенный вечер сдабривает ночь воспоминаниями о дожде. О существовании этого города подозревают очень немногие. Как будто не только СМИ, но сами законы перспективы перекроили знание и восприятие, дабы обходить город стороной. По слухам, здесь почти нет электричества. Ни телекамер, ни репортажей с места событий; здешняя катастрофа тускла, а посему, ты подумай, скучна электрической нации! Это город внутренних дисгармоний и зрительных дисторсий.

3

За устьем моста асфальт осыпался.

Один живой уличный фонарь освещал пять мертвых — у двух разбиты плафоны. Карабкаясь по десятифутовому косому шмату асфальта, что разок дернулся под ногами и заворчал, точно живой, он видел, как за кромку катятся камешки, слышал, как они звякают по беглым трубам, а потом плещут где-то в темноте... Он вспомнил пещеру и перепрыгнул туда, где попрочнее, где трещины скрепляла колючая трава.

Во всех домах поблизости — ни огонька; но дальше по улицам у реки, за дымными пеленами — это что, огонь? Он уже привык

к запаху, и пришлось втянуть воздух поглубже — лишь тогда заметил. Небо мглисто. Дома вонзались во мглу и исчезали.

Свет?

Перед четырехфутовым проулком он озирался десять минут — потому только, что там горел фонарь. Через дорогу разглядел бетонные ступени, грузовой подъезд под навесом, двери. На углу перевернулся грузовик. Чуть поближе три автомобиля — окна подведены битым стеклом — грузно осели на перекошенных ступицах, будто чудесным образом ослепшие лягушки.

Босая нога вся в мозолях — ни гравий, ни стекло не страшны. Но пепел пробирался под ступню и на подошву сохранной сандалии, натирал, как мельчайший песок, вползал глубже и замешивал ил на поте. Пятка стерта почти до крови.

У калитки в конце проулка — груда пустых банок, кипа газет, еще перетянутая проволокой, кирпичи, составленные в очаг, а над очагом уложены трубы. Рядом армейская миска с запекшейся мертвой плесенью. Он двинул ногой, и что-то зашуршало.

Он наклонился. Лепесток орхидеи за что-то зацепился; он подобрал пакет с... хлебом? Зев обертки плотно закручен. Вернувшись под фонарь, балансируя пакетом на пальцах меж ножей, он развернул целлофан.

Идея поесть любопытна.

Идея поспать любопытна.

Но это любопытство парализовало.

В уголке первого ломтя — головка гвоздя с десятицентовик, поплывшая зеленью; и на втором ломте зелень, и на третьем. Гвоздь, подумал он, пробил буханку. Верхний ломоть с одной стороны зачерствел. А в остальном нормальный хлеб — только прошитый зеленой прожилкой; и на ней всего-навсего пенициллин. Можно объесть по бокам.

Я не голоден.

Он сложил ломти обратно, свернул целлофан, отнес назад и засунул за кипу газет.

Возвращаясь к фонарю, сандалией отфутболил банку, и ее лязг обозначил тишину. Сквозь эту тишину он побрел дальше, высматривая в небе хоть намек на мутную луну..

Звон битого стекла оттянул взгляд к улице.

Он боялся, он был заинтригован; однако страх был неотступен — уже притушенная, ленивая эмоция; а вот интрига живая.

Он перебежал к ближайшей стене, двинулся вдоль нее, в голове прокручивая все возможные ужасы. Миновал подъезд, отметил, что туда можно нырнуть, и дошел до угла. Теперь голоса. И опять стекло.

Он выглянул.

Из разбитой витрины к двоим, которые ждали, выпрыгнули еще трое. Следом за ними на тротуар с лаем выскочила собака. Один захотел залезть назад; залез. Двое зашагали прочь.

Собака покружила, свернула к нему...

Он попятился, свободной рукой скребя по кирпичной стене.

Собака припала к земле, затанцевала в десяти футах от него — гав, гав, снова гав.

По собачьему языку и зубам размазался тусклый свет. Собачьи глаза (он с усилием сглотнул) мерцали красным — ни белков, ни зрачков, гладкие, как кровавое стекло.

Из витрины опять вылез человек. Еще кто-то обернулся и крикнул: «Мюриэл!» (Может быть, женщина.) Собака развернулась и кинулась на оклик.

Другой фонарь, через несколько кварталов, на миг очертил их силуэты.

Он шагнул прочь от стены, и его дыхание распустило тишину, потрясло, точно кто-то произнес его... имя? В раздумьях он перешел через дорогу к грузовому подъезду. На направляющей под навесом тихонько покачивались четырех- и шестифутовые мясницкие крюки — хотя не было ни ветерка. Вообще-то, рассудил он, мощный должен быть ветерок, чтоб их *раскачать*...

— Эй!

Руки, свободная и цветущая, рывком закрыли ему лицо. Он развернулся на полусогнутых.

— Эй, ты, там!

Ссутулившись, он задрал голову.

В вышине над восьмиэтажным домом клубился дым.

— Ты это чего, а?

Он опустил руки.

Голос скрежетал сипло, почти пьяно.

Он крикнул:

— Ничего, — и пожалел, что сердце никак не успокоится. — Гуляю просто.

За дымными шалами кто-то выступил к карнизу.

Дилэни С.

Д 46 Дальгрэн : роман / Сэмюел Дилэни ; пер. с англ. А. Грызуновой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. — 896 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-14010-3

«Дилэни — не просто один из лучших фантастов современности, но и выдающийся литератор вообще говоря, изобретатель собственного неповторимого стиля», — писал о нем Умберто Эко. «Дальгрэн» же — одно из крупнейших достижений современной американской литературы, книга, продолжающая вызывать восторг и негодование и разошедшаяся тиражом свыше миллиона экземпляров. Итак, добро пожаловать в Беллону. В город, пораженный неведомой катастрофой. Здесь целый квартал может сгореть дотла, а через неделю стоять целехонький; здесь небо долгие месяцы затянуто дымом и тучами, а когда облака разойдутся, вы увидите две луны; для одного здесь проходит неделя, а для другого те же события укладываются в один день. Катастрофа затронула только Беллону, и большинство жителей бежали из города — но кого-то она тянет как магнит. Бунтарей и маргиналов, юных и обездоленных, тех, кто хочет странного...

«Город в прозе, лабиринт, исполинский конструкт... „Дальгрэн“ — литературная сингулярность. Плод неустанной концептуальной отваги, созданный... поразительным стилистом...» (*Уильям Гибсон*).

Впервые на русском!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

СЭМЮЕЛ ДИЛЭНИ
ДАЛЬГРЕН

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Маргарита Ахметова, Елена Терскова

Подписано в печать 05.10.2020. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 56. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-BRM-22222-01-R